

Юй Бай машинально коснулся груди. Там впервые за очень долгое время отчётливо билось сердце обычного человека.

За десять лет апокалипсиса чувства превратились в роскошь. Сам факт, что ты жив, уже был удачей.

Он почти забыл, что когда-то был обычным человеком, способным привлечь красотой... нет, прекрасными вещами.

Мужчина, похоже, тоже заметил Юй Бая. Он ненадолго остановился, прозрачный взгляд сначала опустил на кроликов в его руке, затем поднялся к лицу. Мужчина улыбнулся Юй Баю, после чего отвёл глаза и пошёл дальше вниз с горы. Шёл вроде неторопливо, но всего за несколько шагов значительно отдалился.

Большая тётушка говорила, что с гэ-эрами нельзя просто так заговаривать. Но тот Бай-гэ-эр только что был красивый.

Юй Бай остался стоять на месте и лишь после того, как высокий силуэт скрылся за изгибом лесной тропы, медленно выдохнул.

— Чжао Янь... — тихо произнёс он имя, найденное в дальнем уголке памяти прежнего хозяина тела. Охотник из их деревни Таоси. Тот самый, у кого, по слухам, после сильного жара повредился разум и осталось мышление семи-восьмилетнего ребёнка... маленький дурачок.

Хм, дурачок? Юй Бай облизнул пересохшие губы, и в глазах мелькнул интерес. У дурачка есть свои преимущества: он хотя бы чистый и простой. Юй Баю он приглянулся.

С хорошим настроением Юй Бай спустился с горы, неся кроликов, но у самого входа в деревню его настроение немного испортилось.

Несколько женщин и фуланов собрались под большой софой у деревенского входа и перемывали кому-то кости. Их взгляды, липкие, словно паутина, тут же обвились Юй Бая, особенно три бросавшихся в глаза жирных кролика в его руках. Шептались они негромко, но достаточно отчётливо, чтобы он всё слышал.

— ...Гляньте-ка, всего несколько дней как родителей сгубил, а уже смеет в горы охотиться ходить! Совсем как мужик — что это за вид!

— Вот именно. Никакого вида гэ-эра. Кто его потом замуж-то возьмёт...

— А нога Юй Сяобао... ай-ай, грех какой, может, это он его и сглазил...

— Репутация уже хуже некуда, а он ещё так напоказ ходит...

Раньше Юй Бай воспринял бы их как назойливо жужжащих мух и поленился бы отвечать. Человеку, вылезшему из гор трупов и морей крови, какое дело до нескольких безобидных сплетен?

В апокалипсисе у людей не было времени языками чесать: на то, чтобы просто выжить, уходили все силы. А эти, похоже, жили слишком хорошо.

Но теперь... в сознании всплыли прозрачные глаза Чжао Яня.

Собственная репутация Юй Бая не волновала. Но ему почему-то было неприятно думать, что этот простодушный охотник Чжао Янь может услышать всю эту грязь. Пусть тот, возможно, даже толком не поймёт — всё равно раздражало.

Юй Бай остановился, обернулся и холодно провёл взглядом по лицам, на которых читались зависть, презрение и злорадство.

Взгляд у него был слишком острым, с почти ощутимым давлением. Несколько сплетниц мгновенно умолкли и тревожно отвели глаза.

Юй Бай насмешливо хмыкнул и отчётливо произнёс:

— Гублю родных? Кого я сгубил? Отца и папу?

Он сделал два шага вперёд и впился взглядом в толстую женщину, которая говорила громче всех:

— Мои отец и папа ремонтировали дорогу у входа в деревню и погибли, когда на них случайно обрушились камни со склона. Тогда ведь там было немало дядюшек? Все видели: несчастный случай, бедствие — что угодно, только не я их «сгубил»! А вы всё равно пытаетесь вылить на меня этот ушат помоев. Хотите сказать, что сами тогда не помогли и совесть нечиста, вот теперь и выдумали эту сказку, чтобы самим спокойнее спалось?

Толстая женщина побледнела, губы задрожали. Она хотела возразить, но не решилась.

Юй Бай повернулся к другому, худому высокому фулану и сказал ещё холоднее:

— А Юй Сяобао? Он мне отец или папа? Он меня родил или вырастил? Сам ночью полез воровать, сам сломал ногу — при чём тут я? По-вашему, если любой нечистый на руку вор ночью полезет к чужому дому и убьётся, его тоже хозяин дома «сгубил»? Тогда где вообще справедливость? Тем более он упал у себя во дворе. Если уж говорить про «сгубили», то это Юй

Эрчжу с женой сгубили собственного сына.

Он сделал паузу, слегка приподнял кроликов и насмешливо изогнул губы:

— А что не так с тем, что я хожу в горы охотиться? Я ем ваш рис? Пью вашу воду? Вам-то какое дело? Я кормлю себя собственными руками. Это всяко лучше, чем целыми днями бездельничать, сеять раздоры, перемывать людям кости и желать, чтобы все вокруг жили хуже вас!

Его взгляд снова прошёлся по собравшимся, а голос стал твёрдым:

— И выйду я замуж или нет, вас, посторонних людей, тем более не касается! По-моему, вы просто завидуете. Завидуете, что я могу поймать кролика и есть мясо, а вы только и можете, что смотреть с завистью, прихлёбывая жидкую кашу, в которой собственное отражение видно, и искать себе значимость в чужих сплетнях!

Эта очередь вопросов и насмешек прозвучала словно серия звонких пощёчин. Лица сплетниц то синели, то белели. Селяне, остановившиеся поглазеть, тоже начали переговариваться и посматривать на них с презрением.

Тут стоявший рядом мужчина средних лет, который когда-то ремонтировал дорогу вместе с отцом Юй Бая, не выдержал и вмешался:

— Сяобай дело говорит! Когда брат Юй и его супруг попали под камни, мы все это своими глазами видели. Какое отношение к этому имеет ребёнок?! Вы бы хоть за языком следили!

Другая тётушка, дружившая с папой Юй Бая, тоже со вздохом поддержала:

— Верно. Сяобаю и так тяжело одному, перестаньте уже его полоскать.

Стоило кому-то начать, как ещё несколько разумных сельчан выступили в поддержку Юй Бая.

Зачинщицы увидели, что теперь сами выглядят нелепо, пробормотали что-то вроде «кто ещё завидует» и «что за чушь», после чего поспешно разошлись.

Лицо Юй Бая смягчилось. Он слегка кивнул тем, кто за него вступился:

— Спасибо, дядюшки и тётушки.

Больше он ничего не сказал. С кроликами в руках, расправив спину, он направился к своему одинокому дворику. Солнце вытянуло за ним длинную тень, в которой ощущались гордость и

несгибаемая стойкость.

Неприятный осадок от сплетен вскоре уступил мыслям о тушёном кролике на ужин и... о том красивом, простодушном лице.

Юй Бай в прекрасном настроении вернулся домой, запер ворота и первым делом принялся за трёх кроликов.

В апокалипсисе разделка добычи была базовым навыком выживания. Он действовал ловко: снял шкуры, выпотрошил, вымыл — всё одним непрерывным движением.

Шкуры он тоже аккуратно выделал и отложил: вдруг пригодятся.

Глядя на подготовленное нежное мясо, Юй Бай решил сегодня же съесть одного кролика. Двух остальных отправил в зону хранения нефритового пространства. Там время стояло, так что лучшего холодильника не найти.

Он решил приготовить острые кроличьи кусочки. К счастью, в эту эпоху перец чили уже появился, хотя распространён был мало. В памяти прежнего хозяина тела сохранилось, что в лавке с разными товарами в городке его продавали, а отец иногда покупал немного для папы, чтобы разнообразить вкус еды. Это сильно облегчало жизнь: теперь Юй Баю не придётся ломать голову, как объяснить любовь к острой пище.

Огонь в очаге потрескивал и бросал тёплые отблески на его лицо.

Он привычно промыл рис, поставил его вариться и специально налил немного больше воды, чтобы получилась ароматная рисовая корочка.

В другой сковороде он разогрел свиной жир, обжарил до аромата имбирь, чеснок и сушёный чили, затем бросил нарезанного кролика, быстро перемешал, добавил соль и соус, а в конце — горсть дикого острого перца, растущего за домом. Властный пряный аромат мгновенно заполнил кухню и разбудил аппетит.

Из морской капусты и яйца из пространства он быстро сварил ещё миску супа с яйцом.

Когда всё было готово, небо ещё не успело полностью потемнеть.

Юй Бай отложил полную большую миску острых кроличьих кусочков, а сам с рисом с поджаристой корочкой и яичным супом наелся до полного удовлетворения.

Давно забытая острая, пряная свежесть разлилась по языку, и он едва не простонал от удовольствия. Вот это уже человеческая жизнь.

<http://bllate.org/book/19010/1867557>